

ИСТИННОЕ ПРАВОСЛАВИЕ: ПРОТОПОП АВВАКУМ И Н. В. ГОГОЛЬ. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

А. А. Дударева, В. Н. Ерохин

Статья посвящена описанию типологических параллелей осмысления русского православия в текстах протопопа Аввакума и Н. В. Гоголя. В рамках дуализма русской культуры авторы четко противопоставляют православие и язычество другим религиям и конфессиям. Это противопоставление проходит и на общем уровне, и на уровне конкретных деталей: правильного написания букв, правильных блюд и напитков, употребления бранных слов, осмысления «чистых» и «нечистых» мест. Это позволяет показать, что определенные константы русской культуры остаются неизменными на протяжении веков.

Ключевые слова: история русского языка, история русской литературы, лингвокультурология, стилистика, поэтика.

В конце XV века Московская Русь становится центром православного мира. В 1453 году происходит завоевание турками Константинополя, а в 1480 году свержение в России татарского ига. С падением Константинополя московский государь становится единственным независимым правителем православного мира, если не считать Грузии, которая тогда представлялась Москве скорее легендарным, чем реальным государством. Женидьба Иоанна III на греческой царевне Софии Палеолог, дочери Фомы, одного из двух сыновей последнего византийского императора Константина Палеолога, в 1472 году [5, с. 865–871] еще более укрепила престиж Московского государства, утверждающегося в Европе. Типологически эта женидьба соответствует браку князя Владимира, принявшего христианство и крестившего Русь, с византийской принцессой Анной, сестрой императора Василия II. В результате возникает концепция Москвы, во многом определившей дальнейшее культурное развитие России как третьего Рима.

«Идея “Москва – третий Рим” по самой своей природе была двойственной. С одной стороны, она подразумевала связь Московского государства с высшими духовно-религиозными ценностями. Делая благочестие главной чертой и основой государственной мощи Москвы, идея эта подчеркивала теократический аспект ориентации на Византию. В этом варианте идея подразумевала изоляцию от “нечистых” земель. С другой стороны, Константинополь воспринимался как второй *Рим*, то есть в связанной с этим именем политической символике подчеркивалась имперская сущность – в Византии видели *мировую империю*, наследницу римской государственной мощи. Таким образом, в идее “Москва – третий Рим” сливались две тенденции – религиозная и политическая» [7, с. 352].

Так в самых широких кругах русского общества возникло твердое убеждение, что христианство Руси со всеми местными его особенностями – одно в мире истинно, и никаким поправкам и поновлениям со стороны не подлежит: как пал Древний Рим от ереси и гордости, так пал и второй Рим (Царьград) от непостоянства. Теперь Москва – третий и последний Рим, единственное убежище православной веры и истинного благочестия. В 1551 году Стоглавый собор признал истинными все обряды и все тексты русского богослужения. Аввакум идет еще дальше: в «Беседах...» он сравнивает Флорентийский собор с Московским собором 1654 года, на котором были приняты Никоновы нововведения: «Богу же попускающе, по начинанию сердец их, а врагу действующу, собравшася на сонм той лукавый царь, и патриарси гречестии, и весь Восток и Запад, от всех стран: и наш митрополит Исидор Московский таможе бысть. И сотвориша во Флоренце граде собор, яко и у нас бысть ныне при вселенских в Москве такая же лукавая сонмища; утвердиша прелесть свою паче прежнего» [4, с. 131–132].

Так же и в тексте «Страшной мести» Гоголя православная религия и культура наиболее остро противопоставлена другим: униатской, католической, исламской и даже антибожеской, сатанинской. Это ярко выражается в попытках пана Данило понять веру и суть тестя, вернувшегося из «чужой земли», где он пропадал двадцать один год: «Там все не так: и люди не те, и церквей Христовых нет...» [2, с. 209].

Сначала Данило отделяет своего тестя от православных и униат, говорит ему: «Думай себе что хочешь <...> думаю и я себе. Слава Богу, ни в одном еще бесчестном деле не был; всегда стоял за веру православную и отчизну, – не так, как иные бродяги таскаются Бог знает где (намек на прошлое тестя. – А. Д., В. Е.), когда православные быются на-смерть, а после нагрянут убирать не ими засеянное жито. На униатов даже не похожи: не заглянут в Божию церковь» [Там же, с. 215].

Далее униаты характеризуются следующим образом: «Шляхетство наше все переменяло на польский обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию» [Там же, с. 230]. Здесь имеется в виду Брестская уния, объединение православной и католической Церквей с признанием главенствующей роли папы и ряда католических догматов при сохранении своих обрядов и богослужения, которая была принята на церковном соборе в Бресте в 1596 г. Однако эта была не единственная уния двух церквей.

В 1439 году греческая иерархия на Флорентийском соборе заключила унию с католической церковью под угрозой турецкого нашествия в надежде обрести союзников в Западной Европе. Тем самым греческая церковь много потеряла в глазах православной России. Великий князь Василий даже посадил в тюрьму митрополита Исидора (грека по происхождению), подписавшего унию. Спустя несколько лет Константинополь был завоеван турками, в чем православные русские христиане увидели Божие наказание Византии за ересь.

В текстах Аввакума и Гоголя истинная вера от неистинной часто отличается конкретными деталями, которые сейчас можно посчитать несущественными, но они играли чрезвычайно важную роль в русской культуре.

Это видно на примере языковой полемики никонианцев и раскольников. Первые неоднократно обвиняли старообрядцев в невежестве, в незнании греческого и латинского языков и основных положений грамматики и риторики. Раскольники, признавая свою неученость, обвиняли никонианцев в отступлении от традиции, освященной именами Кирилла и Мефодия. На Руси широко было известно «Сказание о письменах» черноризца Храбра (отрывки из него вошли даже в буквари XVII века), где обосновывается божественное

происхождение славянской письменности, которую создали святые Кирилл и Мефодий, в то время как греческое письмо создали эллины язычники, причем в подражание нечестивым униатам и католикам. О них Аввакум писал следующее: «Егда же соблудиша римстии людие и весь Запад... <...> Мы же, правовернии, сие блядское мудрование Римскаго костела и выблядков его, поляков и Киевских унийт, еще же и наших никониян, за вся их нововводныя коби (*кобь* – ересь, несоблюдение христианских обрядов. – А. Д., В. Е.) еретическая анафеме трижды предаем...» [4, с. 130].

Еретические, с точки зрения старообрядцев, нововведения никониан не затрагивали основ Св. Писания, касаясь по большей части собственно языковых особенностей текстов. Однако сторонники старого православия не могли принять никаких исправлений в священных текстах, даже «малейших черт» божественного письма (имеется в виду специфическое написание букв или употребления надстрочных знаков). Изменение этих черт могло восприниматься как еретическое, а графика новопечатных книг несколько отличалась от рукописных. Вопрос о буквах будет существен и в начале XVIII века. В 1710 году в правленной Петром азбуке были вычеркнуты всего три буквы, хотя самим Петром было задумано убрать все графические дубликаты. Однако это вызвало серьезные возражения в связи с параллелизмом славянского и греческого алфавитов и разницей буквенных значений в греческом. Так, например, имя Феодоръ через ѳ – «фиту» обозначало «Божий дар», Феодоръ через ф – «ферт» – «дар змеи» [3, с. 78].

Данило испытывает тестя «правильными» напитками (медом и горилкой), но тот не пьет:

«– Горелки даже не пьет! экая пропасть! Мне кажется, пани Катерина, что он и в Господа Христа не верует. <...>

– Чудно, пани! – продолжал Данило, принимая глиняную кружку от козака, – поганые католики даже падки до водки; одни только турки не пьют» [2, с. 218].

Из-за этого Данило называет тестя «турецким игуменом». Далее следует предложение тестю «правильных» блюд: галушек («Это христианское кушанье! Все святые люди и угодники Божии едали галушки» [Там же, с. 219]) и свинины. Отец Катерины съедает немного

галушек, не находя в них вкуса («...никакого вкуса нет!» [Там же]) и отказывается от свинины. «– Для чего же не любить свинины? – сказал Данило. – Одни турки и жида не едят свинины» [Там же]. «Только одну лемишку с молоком и ел старый отец и потянул вместо водки из фляжки, бывшей у него в пазухе, какую-то черную воду [Там же].

Характерно неразличение и постановка в один ряд мусульман и иудеев. Они воспринимаются как враги: турки всегда были военными противниками казаков, а «жидовство угнетает бедный народ» [Там же, с. 230].

Еще одним важным признаком неистинной веры является брань. Ю. М. Лотман отмечал: «Ср. в этой связи матерную ругань как элемент языческого поведения: не случайно древнерусский проповедник, обличая срамословие, говорит, что матерным словом оскорбляется Матерь Божия, другая мать, родная всякому человеку, и “третья мати – земля, отъ неяже кормимся”, связь материцы и Матери Земли явно обусловлена еще дохристианскими представлениями. В свете сказанного выше представляется характерным встречающееся в древнерусской учительной литературе мнение, что матерная брань – “то есть жидовское слово”...» [6, с. 97]. Отметим, что «жидовское» может означать и языческое, и вообще иностранное (неправославное), в том числе латинское. У Аввакума тоже встречаются крепкие выражения. Кроме цитированных выше, можно привести и другие примеры: «Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: “убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!”» [4, с. 64]; «Потом паки ко мне пришли власти и про аллилуйя стали говорить со мною. И мне Христос подал – посрамил в них римскую ту блядь Дионисием Ареопажитом...» [4, с. 102]. Заметим: брань вкладывается в уста противников протопопа или относится к католикам.

В «Страшной мести» тоже православные не ругаются, брань переносится на обычаи поляков (католиков) в сравнении с татарами (следует отметить, не в пользу первых): «Паны веселятся и хвастают, говорят про небывалые дела свои, насмеваются над православьем, зовут народ украинский своими холопьями... <...> С ними и ксендз вместе. Только и ксендз у них на их же стать, и с виду даже не похож на христианского попа: пьет и гуляет с ними и говорит нечестивым

языком своим срамные речи. <...> Паны беснуются и отпускают штуки: хватают за бороду жиды, малюют ему на нечестивом лбу крест; стреляют в баб холостыми зарядами и танцуют краковяк с нечестивым попом своим. Не бывало такого соблазна на Русской земле и от татар» [2, с. 229].

Католичество всегда воспринималось в древнерусской культуре как ересь, сравнимая с язычеством: по данным Ю. М. Лотмана, древнерусские книжники «могли даже утверждать, что латинские еретики хуже язычников, “зане неможно блюстися ихъ, а поганых можно. Латина Евангеліе и Апостолы имѣють и ины святыя, и во церковь ходять; но вѣра ихъ и законъ нечистъ; всю землю осквернили суть”. Иными словами, “латинство”, в отличие от язычества, воспринималось как кощунственное пародирование подлинного христианства – внешне ему подобное, но наполненное иным содержанием, так сказать, православие наизнанку» [6, с. 96].

С XI века возникает отдельный жанр полемических сочинений «на латины», в которых католикам иногда приписывают языческие и даже вовсе фантастические обряды и поведение, ср. данные Ю. М. Лотмана:

«Для отождествления католицизма и язычества характерно также утверждение, что “латины” ходят в церковь в “половчатыхъ ризахъ” и в “угорятѣ клобуцѣ”. Вне зависимости от исторической достоверности этого сообщения, знаменательно само приравнивание языческой половецкой и католической венгерской одежды.

Примечательный пример такого же рода находим в обличении католиков в Минеях митрополита Макария: “В первую же ночь лежить с невѣстою попъ въ олтари за трапезою, положивъ на коврѣ, и прекръститъ женъскую срамоту и цѣлуеъ въ срамоту. И речеть: то ми еси была мати, а нынѣ ми еси жена. И тако съ нею лежить, и сквернѣ уже изшедши изъ невѣсты на коверъ и измывъ и иждемъ той коверъ, и тою скверною кропать люди по церкви”. Излишне говорить о том, что никаких реальных параллелей к описанному обряду у католиков не было» [Там же, с. 97–98].

Книжник реконструирует фантастический обряд, опираясь, возможно, на глубоко архаичную традицию.

Еще более ярко разница между поляками и православными подчеркивается в следующем контексте, где поляки объявляются нехристианами: «Висит оружие, но все странное: такого не носят ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христиане, ни славный народ шведский [2, с. 221]. Это подтверждают и слова Данилы о поляках: «Еще в прошлом году, когда собирался я вместе с ляхами на крымцев (тогда я еще держал руку этого неверного народа)...» [Там же, с. 224].

Подобное объединение других вер и культур в противовес единственно правильному православному миру весьма характерно для русской средневековой культуры, как и топографическое восприятие русской земли как своей, а других – как чужих, опасных и вывороченных. Это ярко показано в «Страшной мести»: «За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетьманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская» [Там же, с. 239].

Парадоксальность описываемой ситуации заключается в следующем. Если из Киева стало возможным видеть Крым, то паны и гетьманы должны смотреть на юг, но тогда Галичская земля находилась бы справа (на западе). Ставя ее по левую руку (слева), автор описывает не географическое (профанное), а сакральное пространство. Левая сторона – сторона дьявола, в противоположность правой, правильной, православной. Поэтому Галиция, как местность по преимуществу католическая, противопоставленная в русском культурном сознании православному пространству, должна располагаться с левой стороны.

Заметим, что замок колдуна находится на левом берегу Днепра, а в итоге антигерой (анти-отец Катерины, убившей ее мать и пытающийся стать ее мужем) вообще в конце концов исключается из рамок земного мира, приравненный к Иуде и сброшенный в преисподнюю, в пропасть, где «дна никто не видал» [Там же, с. 244]. Невидимость – буквальный смысл именование *Аид*.

В качестве итога: «Русская идея» на протяжении столетий эволюционировала, но ее основу всегда составляла *религиозность (вера)*

и соотносительный с ней *патриотизм...*» [1, с. 78]. Ключевые концепты – константы остаются неизменными на протяжении веков.

Список литературы

1. Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В. Русский менталитет и европейская идентичность. Лингвистический и лингвоментальный аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1. С. 69–80.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 17 т. Т. 1–2. М.; Киев: Изд-во Моск. Патриархии, 2009. 664 с.
3. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
4. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М.: Гослитиздат, 1960. 480 с.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I–VI. М.: Эксмо, 2002. 1024 с.
6. Лотман Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство–СПБ, 2002. С. 88–116.
7. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Великого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство–СПБ, 2002. С. 349–361.